

А.А. Иудин
Д.А. Шпилев

РОССИЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В ПОИСКАХ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Интенсивные изменения, происходящие в мире на стыке веков, определяют собой необходимость адекватного социологического осмысления перемен, происходящих и в нашей стране. В связи с этим ученые, в первую очередь обществоведы, нередко говорят о вызовах социологическому знанию. Отечественная теория общественного развития, теория прогресса пережила серьезный кризис в период осмысления направлений, путей, и некоторых результатов радикальной реформы, определившей собой новый период развития страны. Многие социологи отмечают, что происходит старение существующих обществ и нужен новый мир социального знания, новая социология, которая смогла бы прояснить общую картину перемен, выявить потенциал хаоса, диффузных процессов, возможные альтернативы развития.¹ Проблема поиска нового (пока безуспешного) социологического знания широко освещена в работе А.В. Тихонова, где он отмечает, что «...четкого и по возможности ясного ответа на вопрос, что же представляет собой российское общество как новая социальная реальность и что представляет собой отечественная социология на новом этапе своей институционализации, получить не удалось».² Осуществляется поиск новой отечественной или зарубежной теории, способной дать адекватное объяснение протекающим процессам. Большую работу в этом направлении осуществил В.А. Ядов, рассмотревший применимость концептуальных разработок современной социологической мысли к исследованию российских трансформаций.³ Он, в частности, ставит вопрос о том, достаточно ли накопила российская социология эмпирического материала для того, чтобы создать такую теорию. На наш взгляд такого материала на сегодняшний день российская социология наработала совершенно недостаточно. Такой вывод мы вынуждены сделать при сравнении наработок российской и немецкой социологиче-

¹ Кравченко С.А., Романов В.Л. Социология и вызовы современной социокультурной динамики. // СОЦИС, 2004. № 8. С. 3-11.

² Тихонов А.В. Российское общество как новая социальная реальность и метапроект отечественной социологии // СОЦИС, 2009, № 12, с. 16.

³ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций. СПб., Интерсоцис, 2006.

ской науки. Так, например, проведенный нами анализ показал, что главное отличие российской и немецкой социологии состоит в наличии в Германии мощнейшей эмпирической базы: по большинству анализируемых проблем немецкие социологи проводят не просто разовые исследования, а мониторинги. В частности, сравнение количества публикаций, посвященных проблемам медицины и здравоохранения в российской и немецкой социологической литературе за одинаковый промежуток времени позволило определить, что интенсивность и результативность работы в данной области у немцев примерно в десять раз выше, чем у нас. Однако немецкие ученые далеки от признания того факта, что они находятся на пороге создания адекватной концепции развития здравоохранения Германии.¹

Некоторые российские авторы отмечают, что формирование новых подходов к концепциям общественного развития начинают формироваться в недрах советской социальной мысли, в том числе и официальной. Подробный обзор формирования новых подходов в отечественной социологии дает А.Г. Здравомыслов, характеризующий эволюцию взглядов наших социологов во второй половине XX в.² Поиск новых подходов в поле социологии отмечает и А.Ю. Зудин: «В пространстве позднесоветской культуры началось формирование особого полюса русской патриархальности, основанного на идеализации дореволюционной традиции».³ Эта позиция, по мнению автора, нашла наиболее выраженное воплощение во взглядах сталинистов, которых он рассматривает в двух группах – фундаменталистов и русофилов. Впрочем, обе эти группы, по мнению автора, были политически лояльны и близки к советским правящим элитам. В период, предшествующий перестройке, фундаменталисты начали сдавать позиции.

Согласно концепции, изложенной в известной работе М.С. Восленского,⁴ эти фундаменталисты (а, возможно, по мнению А.Ю. Зудина, и русофилы) могут быть обозначены как идейные сторонники и представители класса номенклатуры, по отношению к которой они,

¹ См. серию работ Иудин А.А., Шпилев Д.А. Современная немецкая социология (обзор), изданных в изд. НИСОЦ (Н. Новгород) в 2009–2012 гг.

² Здравомыслов А.Г. Поле социологии: дилемма автономности и ангажированности в свете наследия перестройки. // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 5-20.

³ Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита. // *Мир России*, 2002. Т. 11. № 3. С. 122-158.

⁴ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: "Советская Россия" совм. с МП "Октябрь", 1991. – 624 с.

собственно, и были лояльны. Объяснение советской истории с позиций формирования в недрах СССР класса номенклатуры часто встречается в российской социальной науке, причем заслуга формирования этого класса чаще всего приписывается И.В. Сталину. Такой подход можно обнаружить, например, в работе Н. Тилкиджиева, посвященной книге М. Кивинена.¹ В этой развернутой рецензии автор во многом соглашается с рецензируемой книгой, иллюстрируя ее положения собственными выкладками. Интересно, что многие ученые показывают распространенность этой концепции и в России, и за ее рубежами.² Наиболее ярко и последовательно этот подход выстроен в работе Н.В. Романовского,³ в которой автор на основе широкого круга материалов, в том числе архивных, доказывает определяющее влияние И. Сталина на все стороны социально-экономической жизни страны. Более того, он обосновывает мысль о том, что эпоха сталинизма находит свое наиболее законченное выражение именно в послевоенный период. В этой работе автор переводит социологию в область истории и делает это сознательно, отмечая, что «Обретая новую роль в обществе, российским социологам следует избегать отмеченного Н. Элиасом “ухода социолога в настоящее”».⁴

Интерпретацию процесса формирования системы социализма преимущественно как сталинский эксперимент находит свое выражение во многих работах. Так, В.И. Ильин отмечает, что в Европе была построена система коммунистического этакратизма, центром которой была Россия и большинство республик СССР.⁵ Процесс построения этой системы начинается с создания системы тотального государственного учета и контроля, которая стала превращаться в реальность в период военного коммунизма в России. После непродолжительного периода НЭПА сталинизм стал крупномасштабной и длительной попыткой превращения тоталитарной утопии в реальность. Вторым, самостоятельным центром коммунистического этакратизма стал Китай.

¹ Тилкиджиев Н. Власть, классовая структура и российская ментальность (Размышления о книге М. Кивинена «Progress and Chaos: Russia as a Challenge for Sociological Imagination». Helsinki, 2002). // Мир России, 2004. Т. 13. № 4. С. 171-178.

² Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг ОМ: экономические и социальные перемены. 2002, № 5.

³ Романовский Н.В. Сталинизм и теория институциональных матриц. // СОЦИС, 2003, № 5.

⁴ Там же, с. 132.

⁵ Ильин В.И. Модели классовообразования в посткоммунистическом мире. // Мир России, 2008. Т. 17. № 2. С. 3-21.

Эта самостоятельность, как отмечает В.И. Ильин, в частности, проявила себя и в том, что после смерти Сталина в СССР происходит постепенный отказ от этой утопии, однако Китай и Албания пошли по пути продолжения сталинизма. Более того, «Культурная революция в Китае пошла дальше классического сталинизма во многих сферах, в том числе и в обобществлении хозяйства: крестьян загнали в коммуны, где обобществлялось все производство и потребление. Правда, этот эксперимент был недолгим. Он не только не сформировал тоталитарную традицию, но и создал мощный потенциал для обратного движения к рынку».¹

С тезисом о недопустимости «ухода социолога в настоящее», которое вспомнил Н.В. Романовский, трудно не согласиться, хотя точку зрения, согласно которой вся новейшая история России – плод усилий одного Сталина в последние годы активно опровергается социологами и историками. Особенно интересны в этой связи работы доктора исторических наук Ю.Н. Жукова, в которых он на убедительном архивном материале доказывает, что именно И. Сталин пытался перед войной осуществлять активную борьбу с номенклатурой и проиграл в этой борьбе.² Мысль о бесплодности объяснения сложностей советской истории исключительно культом личности Сталина неоднократно подчеркивалась и В.В. Кожиновым.³ Последний, кстати, резонно отмечает, что такие социально-исторические толкования, по сути, являются также построением на основе культа личности, только культа наизнанку: опять все сделал один Сталин, но если раньше мощный социально-экономический рывок советской страны объяснялся как его исключительная заслуга, то теперь этот рывок расценивается как тоталитарная деградация, в создании которой виноват исключительно Сталин.

Современная российская социальная наука во многом сохраняет функцию объяснения в русле доминирующего идеологического мифа. Одним из таких мифов является миф об эпохе сталинизма. Автором этого мифа фактически является Н.С. Хрущев, победивший в аппаратной борьбе за власть других представителей советского руководства

¹ Там же, с. 7.

² См., напр., Ю.Н. Жуков. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 года. – М.: Вагриус, 2003. – 510 с.; Ю.Н. Жуков. Настольная книга сталиниста. – М.: Эксмо, 2010. – 320 с.; Ю.Н. Жуков, В.В. Кожинов, Ю.И. Мухин Загадка 37 года. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. – 576 с.; Ю.Н. Жуков. Гордиться, а не каяться! Правда о Сталинской эпохе. – М.: Эксмо, Яуза, 2011. – 256 с.

³ Кожинов В.В. Россия. Век XX. (1939–1964). – м.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. – 448 с.

того времени. Разные исследователи по-разному оценивают причины этой победы, однако наиболее распространенным является мнение о том, что причина его победы кроется в его характере и демократических устремлениях: «Из всех первых лиц страны после Сталина (не считая Б. Ельцина) он был самым решительным, энергичным, напористым и смелым человеком, способным идти на риск, на революционное разрушение того, что ему казалось ошибочным или изжившим себя».¹ Отмечается, что многие проблемы периода правления Хрущева связаны прежде всего с тем, что он был личностью противоречивой и «...одной рукой он боролся против культа личности Сталина, за ограничение всевластия партии и КГБ, а другой насаждал культ собственной личности, отдавал ... приказы стрелять по бастующим рабочим и молодежи, инициировал преследование за вольнодумие представителей творческой интеллигенции. С одной стороны, Хрущев немало сделал для утверждения принципов мирного сосуществования в отношениях двух систем, а с другой – разжигал опасные конфликты, провоцировал гонку вооружений».²

Кстати многие авторы отмечают, что именно Хрущев возвел роль партии во всех сферах жизни советского общества в абсолют, поэтому по меньшей мере сомнительна его слава борца за ограничение всевластия партии. Противоречивость образа Хрущева видится цитируемому автору и в том, что «... этот смелый и решительный борец против сталинизма в душе сам оставался сталинистом».³ Отмечается, что он был к тому же малообразован, «... ему недоставало не только общего, но и политического, тем более социального и исторического знания, при том что воспитывался он в атмосфере сталинизма. ... этот смелый и решительный борец против сталинизма в душе сам оставался сталинистом. В нем боролись два начала: одно творческое, если хотите, реформистское, а другое – охранительно-догматическое».⁴ Не учитывается только то, что он был политиком, причем политиком умелым – прагматичным и циничным – и как политик он обладал достаточным интеллектом для того, чтобы добиваться своих целей. Его проблема в том, что его переиграли другие политики – не менее ловкие и опытные.

Субъективистский подход в социологии непродуктивен именно в силу того, что в его основе обычно лежат некие расхожие мифы,

¹ Кива А.В. Был ли возможен российский Дэн Сяопин? // *Общественные науки и современность*. 2002. № 3. С. 111.

² Там же, С. 118.

³ Там же.

⁴ Там же.

имеющие большую популярность и широкое распространение, но не имеющие реального научного базиса. Безусловно, более интересны концептуальные подходы к проблеме анализа перспектив развития страны.

В последние годы в сфере социологического (в первую очередь социально-философского) анализа наиболее широкое распространение получила концепция модернизации. Применительно к России речь идет чаще всего о теории догоняющей модернизации. Несмотря на то, что модель догоняющей модернизации давно обнаружила свою ограниченность, в начале XXI века в российской социальной науке активно используется именно эта теория, рассматривающая историю России как непрерывный процесс имитации западных моделей развития. Существенным недостатком этой теории является то, что она подразумевает, что развитые капиталистические страны как бы остаются неизменными, ожидая, когда менее развитые страны наконец-то догонят их. Однако современный капиталистический мир переживает период серьезных трансформаций, и многие развитые страны находятся в переходном состоянии.

Но в начале 2000-х гг. многие ученые рассматривали процессы развития России именно в ракурсе теории догоняющей модернизации. Некоторые из них, отмечая неорганичность процессов российской модернизации, говорили о том, что основной проблемой страны является конфликт между группами, ориентированными на идеологию догоняющей модернизации и группами, предпочитающими традиционалистские ценности.¹ Этот конфликт и является причиной того, что наша страна не смогла найти общенациональных лидеров и выработать национальную идеологию. Сторонники этой теории отмечали, что все основные аспекты процесса развития страны – социальные, гуманистические, экологические – необходимо рассматривать именно с позиций теории модернизации, ибо эта теория предназначена служить ядром определенного политического концепта.² Назначение данной теории автор видит в соединении формальной демократии и рыночной экономики с социальной отзывчивостью общества.

Наличие сил сопротивления модернизации отмечают и другие авторы, хотя центры сопротивления этому процессу варьируются. Так,

¹ Бызов Л.Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности. // Мир России, 2002. Т. 11. № 1. С. 117-152.

² Келлер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия? // СОЦИС, 2002. № 7. С. 48–53.

оценивая модернизацию как неоднородный процесс трансформации системы, эти авторы видят три стороны акторов этого процесса – борьба между сторонниками и противниками модернизации и реакция наблюдателей. Базовыми силами модернизации являются, прежде всего, просвещение и наука, однако и другие формы общественного сознания могут быть отнесены к таким базовым силам. Так, отмечается, что и религия может рассматриваться и как источник легитимации и как источник сопротивления модернизации.¹ Эти авторы признают, что модернизация – безусловно прогрессивное явление, но она может иметь и отрицательные последствия – по крайней мере для некоторых сегментов населения. Но в целом общество начинает жить лучше, все более широкие слои населения обретают лучшие жизненные условия. При этом важнейшим критерием успешности модернизации является развитие системы социального обеспечения.² Однако отечественный опыт модернизации, уже в 1990-е годы показавший развал системы социального обеспечения, этими авторами признается как успешный. Интересно и то, что и в самой ФРГ, позиционирующей себя как социальное государство, в начале XXI века появляются серьезные проблемы в этой системе.

Более осторожная позиция связана с так называемой рефлексивной модернизацией. Эта позиция отмечает, что завершение процессов модернизации стран Центральной и Восточной Европы определяется тем, что они принадлежат к европейско-атлантической культурной сфере. При этом сторонники данной позиции соглашаются с наличием специфических культур, соприкасающихся с атлантической культурной сферой, однако считают необходимым концентрировать свое внимание на рассмотрении проблемы европейского и национального уровня – не ниже.³ Модернизация в этом случае рассматривается как глобальный процесс, в котором события регионального и локального уровней не оказывают существенного влияния на ход и результаты модернизации.

Сомнения в безусловной благотворности и прогрессивности модернизации высказывает Я. Юхлер, формулируя вопросы о благотворности процессов развития стран Центральной и Восточной Европы. Он отмечает, что декларируемые успехи процесса модернизации по мень-

¹ Цапф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я. Германия: трансформация через объединение. // СОЦИС, 2002. № 5. С. 1-40.

² Там же.

³ Махонин П., Кухарж П., Мюллер К., Тучек М., Гатнар Л., Червенка Я. Трансформация и модернизация чешского общества // СОЦИС, 2002, № 7. С. 32-48.

шей мере неоднозначны. Особенно выпукло эта неоднозначность проявляет себя в сфере политики и в сфере образования.¹ Оптимистичные разговоры о нарастании процессов демократизации в посткоммунистических странах наталкиваются на возражения, связанные с коррупцией, отсутствием реальных партийных связей и отношений, адекватной социально-политической структуры. А увеличение численности учебных заведений и количества студентов порождает резонные вопросы по поводу их качества и способности системы образования и воспитания соответствовать реальным запросам времени.

В более поздних публикациях, посвященных проблеме модернизации, все чаще встречаются соображения по поводу того, что результаты модернизации следует отыскивать не в общецивилизационных тенденциях и проявлениях, а в конкретных сдвигах в недрах реальных социальных структур. Так, модернизацию семьи следует связывать с такими позитивными переменами, «... как переход от патриархальной семьи с господством мужчины, экономической зависимостью женщины к современной семье – с эгалитарными отношениями, партнерскими между мужчиной и женщиной».² Здесь речь идет об управляемой модернизации, о социальной политике.

Позднее нарастает тенденция резкого отторжения концепций модернизации. Так, профессор В.Г. Федотова отмечает: «Что мы делали в постсоветские годы? Мы догоняли Запад, хотя бы на словах. Все задавали вопрос: какую стадию развития Запада мы пытаемся повторить? Одни говорили: у нас стадия первоначального накопления капитала, и проходит она именно так, как ее описал французский историк Ф. Бродель, а значит, мы на правильном пути. Другие утверждали: у нас начался процесс образования наций, мы идем той же (а значит, верной) дорогой, по какой шел Запад в XIX веке. Однако попытка имитировать, тем более имитировать предшествующие фазы развития Запада, не способна вывести страну на путь адекватного развития. Модель «догоняющей» модернизации уже давно обнаружила свою ограниченность».³ Отторжение концепции догоняющей модернизации основано

¹ Юхлер Я. Достаточно ли "модернизации"? // СОЦИС, 2002, № 8. С. 71-76.

² Пахомов А.А. Особенности трансформации семьи и государственной семейной политики. На примере Республики Саха (Якутия) // СОЦИС, 2005, №3. С. 101-108.

³ Федотова В.Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. // «Перспективы» Сайт Фонда исторической перспективы – <http://www.perspektivy.info/>

на том представлении, что ее результатом может стать утрата национальной идентичности, растворение традиционной культуры, причем некая новая культура не обретается. В этой связи интересна мысль о том, что такая догоняющая модель создает культурные анклав в недрах национальных государств. К ним автор помимо мегаполисов Турции, Бразилии, Мексики, Индии относит и российские столицы – Москву и Санкт-Петербург, отличающиеся от российской провинции и образом жизни, и состоянием сознания.

Е.С. Луконина

РЕЙТИНГ НИЖЕГОРОДСКИХ МУЗЕЕВ

Процесс взаимодействия молодого поколения с музеями, как правило, начинается при помощи школы. Нередко первый раз в музей дети идут именно с классом. Учитель впервые приводит ребенка в музей, но дальше уже задача музейных работников этого ребенка заинтересовать. Сам факт посещения музея может пройти для школьника бесследно или же вызвать у него негативную реакцию, а может оставить яркое впечатление, которое ребенок, в идеальном варианте, пронесет через всю жизнь. Так, каждый музей, который ребенок посещает, вносит свой вклад в формирование его отношения к музеям и музейному делу, но при этом каждый музей будет восприниматься им по-своему, индивидуально. У ребенка сложится некий внутренний рейтинг своих музеев – появятся любимые музеи, куда захочется возвращаться, куда во взрослом возрасте человек приведет своих друзей, знакомых, детей.

Рейтинг музеев – показатель комплексный. Важной его частью является посещаемость музеев. Однако, как уже отмечалось, сам факт посещения не всегда отражает характер восприятия того или иного музея. Школьники часто ходят в музеи, это является частью учебной программы, однако, далеко не всегда они ходят в музеи добровольно и не везде им нравится, поэтому следует учитывать и то впечатление, которое музей произвел. Кроме того, целесообразно сравнить уровень посещаемости музеев учащимися, а также их учителями, которые часто выступают первыми, а иногда и единственными проводниками школьников в мир музеев. Для анализа в контексте выделенных показателей